По приподнятому тону перевода нетрудно угадать в Лукине человека, разделявшего либеральные оценки и симпатии Прево д'Экзиля: «Хотя надежда сего нещастнаго Князя при Престоне и изчезла и приставшие к нему совершенно разогнаны и истреблены были, однако ж не сумневаюсь, что не только в Шотландии, но и в самом Лондоне и во всех Аглинских провинциях есть еще много людей, правлением недовольных... Граф был человек всеми любимый, так что и в подлости ‹ простом народе› великое множество усердных к себе имел... Постоянство и спокойный вид их казался мне прямым геройством, а о справедливости их дел остается разсуждать безпристрастному небу» (ч. V, стр. 9—12).

Живая заинтересованность чувствуется и в передаче рассуждений автора об английской драме, о театре и его трагической силе, которая «проникает до глубины сердца и, трогая его, непременно в самой сонной душе чувствительность возбуждает».

Очень экспрессивные выражения находит Лукин, осуждая, вслед за Прево, игорные дома и живущих в «неистовстве» ‹разврате› «женщин вредныя добродетели»

В рассказе же о народных «гульбищах» мы чувствуем настойчивое стремление демократически настроенного переводчика описать их как заслуживающее внимания проявление «аглинския вольности»: «Вольно там каждому гулять, что представляет чудное в красные ‹праздничные› дни зрелище; ибо видно там в непорядке смешенный из преизъящного благородства перьвых придворных господ и самыя ниския подлости народ. Таков есть вкус Англии; сие то они почитают частию того, что своею вольностию имянуют» (ч. V, стр. 66).

Но наивысшего пафоса достигает Лукин, говоря о лицемерном поведении людей при дворе. Эта тема, очевидно, вызывала в нем слишком явные ассоциации; он пишет почти стихами:

Какое странное общество при дворе!
Где верность без стыда изменна всякой час,
Какое странное жилище там для нас!

«Можешь ли ты, притворствуя являть, будто служишь тем, коих погубить стараешься? Вот как искусный при дворе господин непрестанно поступать долженствует!

«...Сказывают, что достоинства придворного человека суть такие, чтоб уметь угождать, похвалять, ласкать и притворяться... На что поступать справедливее, честняе, верняе и безприбыточнее тех, с коими в обществе жить должно?.. Не будет ли откровенна ‹открыта› грудь к получению непристанных от них ударов?» (ч. V, стр. 46—47).